

Наша реформа

Алексей КУШНИР, главный редактор

Последние десять лет все мы живём под знаком непрерывной реформы образования. Можно сказать, мы уже стали в некотором роде носителями иммунитета: когда говорят «реформа», мы подразумеваем вечное и неизменное. **Вечными и неизменными остаются проблемы школы. Учитель по-прежнему остаётся нищим. Ученик по-прежнему под воздействием школы становится больным. Дети по-прежнему не любят предмет «русский язык». Выпускники школ по-прежнему инфантильны и не способны позаботиться о себе, а о других — и говорить не приходится.** Пожалуй, инфантильность и оторванность молодёжи от реалий жизни — самая главная «головная боль», которую могла бы и должна была излечить реформа. Увы, можно выучить наизусть сотни страниц текстов, излагающих стратегии реформирования образования, но так и не найти в них средство от этой болезни.

В чём, собственно, болезнь?

Под какие цели свёрстана наша школа? Судите сами: десять лет «зоны ближайшего развития», где ребёнок не может действовать сам, но может с помощью взрослого, десять лет в «зоне ведущих видов деятельности», среди которых не нашлось места труду, и десять лет в «зоне теоретического содержания обучения»! Что можно получить на выходе из такой «зоны»? То, что имеем: толпы тусующихся бездельников и очереди на выезд из страны.

Так под какие цели свёрстаны все эти «зоны»? Ясное дело, под какие. **Цель: глобальная инфантилизация населения всей страны!** Кто навязал нам эту цель? Те же самые силы, что панически боялись человека самостоятельного, самодвижущегося, самоопределяющегося, что систематически истребляли человека предприимчивого, способного кормить себя и своих детей. Эшелоны с раскулаченными шли в Казахстан и в шестидесятых. Те самые силы, для кого предприимчивость, личная активность человека были разновидностью преступления и преследовались по специально придуманным законам. В итоге: чем в более чистом виде перед нами наша «школьная технология» — технология обезволивания и инфантилизации, — тем ярче, страшней результат её действия. Где посмотреть эту технологию в «чистом» виде? В любой школе-интернате, где влияние школы не подпорчено влиянием семьи!

Крен в сторону «школы обучения» и в сторону «развития ума» уже так силён, что об этом заговорили даже министр и его замы. Это не бросалось бы в глаза, если бы это чувствовали и об этом говорили те, кому положено: учёные педагоги. Проблема в том, что именно их усилиями в течение последних трёх десятилетий **роль школы настойчиво сводилась исключительно к обучению.** В результате таких усилий заросли травой пришкольные участки, прекратили существование когда-то самокупаемые школьные лесничества, доживают век ныне безвестные ученические производственные бригады. В довершение полного разгрома «трудовой школы» на уроках труда дети пишат под диктовку, как надо паять или пилить.

Когда говорят, что о воспитании забыли только теперь, что это следствие дерьмократизации страны, то проявляют либо незнание, либо лукавят, списывая с больной головы на больную же, зато другую. **Воспитание закономерно исчезало из школы уже в конце семидесятых годов вследствие принимаемых педагогических доктрин.** Именно тогда начали хиреть станции юных техников и туристов, клубы картингистов и авиамоделлистов, кружковая работа, школьные дендрарии и всё прочее, дававшее занятие рукам. Волна всеобщей «теоретизации содержания образования» смыла с научной арены всех, кто осмеливался возвышать голос в пользу труда и практической деятельности. Остались единицы. Мамонты.

Команда прозвучала, и вскоре под новые знамёна «Даёшь воспитание» встанет сонм радетелей воспитания. В просыпающемся хоре новых(?) теоретиков и практиков воспитания звучит старая песня: **воспитание подменяется знаниями о воспитанности, речёвками и организацией досуга.**

Часто за успешный опыт выдаётся воспитательный опыт советской школы. Допере-

строечная практика воспитательной работы была гигантской по размаху, по охвату, но считать её успешной было бы большой натяжкой. Массовый инфантилизм молодёжи был продуктом того воспитания, о чём хорошо известно войсковым командирам, ежегодно имевшим дело с концентрированным проявлением этого свойства у призывного контингента. Советское воспитание, особенно в последние 30 лет, оставалось в рамках педагогики досуга, развлечений и нравочений с небольшой долей самообслуживающего и «помогательного» труда. Это была «педагогика мероприятий».

В народной педагогике всех этносов есть общее начало: **успешное воспитание возможно только в труде. Без Дела, без занятости ума и души, без продуктивности — воспитание всегда было и будет фикцией. Нравственность, почерпнутая из поучений, остаётся теоретической нравственностью.** В человеке, *без усилий показать себя*, живёт нравственность, почерпнутая из образа жизни, из ежедневных привычных деяний, впитанная на уровне привычки. Такая нравственность не требует напряжения воли для своего проявления. Такая — естественная — нравственность предпочтительнее. Но она, повторяю, невозможна без повседневного участия в нравственном деле, **подкреплённого социально-ценным продуктом.** Этого-то продукта и не хватает в той теории воспитания, которая всем нам известна, ибо все мы вышли из одной и единообразной школы. Сегодня России как никогда ранее нужна «педагогика Дела». Но этого как раз и не ведают известные апологеты «воспитывающего обучения» и неопиты «воспитания развивающего».

В связи со сказанным не могу не высказать своей озабоченности тем, что главная, самая ответственная, архиважная, наисовременнейшая тема — воспитание **деятельного человека.** Не бесплодного, хотя и виртуозного, говоруна-теоретика, критикана и «иностраница посреди своей Родины» (К.Д. Ушинский), а, повторяю, деятеля и патриота Отечества. Эта тематика кое-как, едва-едва представлена в научных планах РАО и отраслевых НИИ Минобразования. Об этом — одни пафосные речи. Но ни одной конференции, ни одной темы, ни рубля.

Сама жизнь вытолкнула детей на перекрёстки и бензоколонки, зарабатывают они там свой кровный рубль. Но не школа повела их за руку, оберегая, в новый, безумный мир.

Вы скажете, что есть позитивный опыт такого рода. Да, есть. Но единичный. Руководители образования в регионах по-прежнему ориентированы на «кормление знаниями» или на «развитие ума». Изменить ситуацию должны мы сами, поскольку для сложившегося в нашем ведомстве вузовского «ректорского лобби» главный критерий, главный смысл деятельности школы — поступление выпускников в вузы. **Мы должны сместить смысловой центр школьной результативности на способность выпускников счастливо и успешно жить и трудиться там, где родились, в том числе именно ради этого продолжать образование.**

Глобальная инфантилизация населения России уже принесла свои плоды. Точно так же, как в 1913 году г-н В. Пуришкевич (НО. 2001. № 8) писал о «**школьной подготовке второй русской революции**» (и она состоялась!), есть все основания говорить о школьной подготовке развала Советского Союза, и он произошёл. Теперь есть все основания говорить о школьной подготовке ухода России с исторической сцены, и он разворачивается на наших глазах. Сто лет систематического убиения в народе самостояния духа не могли пройти бесследно.

Кому выгодно углублять процесс инфантилизации населения России в современных условиях? У нашей высокоэффективной технологии инфантилизации населения имеются новые поклонники. Это те, кто заинтересован в сырьевой специализации России. Чем инфантильнее население, тем проще им манипулировать, тем дешевле обходится переселение русских яйцеголовых на Запад, тем легче натравливать народы России друг на друга и тем проще обеспечивать себе беспрепятственный доступ к стратегическим ресурсам.

Я думаю, именно потому, что на глобальную инфантилизацию российской молодёжи существует глобальный проплачиваемый заказ, наша школа никак не может выбраться за пределы порочного круга, опирающегося на трёх китов этой самой инфантилизации: «зону ближайшего развития», «ведущие виды деятельности» и «теоретическое содержание обучения».

Минимальная научно-прикладная ревизия этих понятий покажет, что **в общем объёме деятельности должны преобладать процессы, осуществляемые школьником самостоятельно, Что каждый вид деятельности имеет для социального взросления своё собственное уникальное значение, которое не может быть заменено ничем другим, Что «теоретизация содержания обучения» вне связи с естественным генезисом интеллектуальной деятельности и сензитивностью психики бессмысленна**, поскольку присвоение человеческой деятельности происходит извне внутрь, но по внутренним законам.

Попытки искусственного ускорения созревания психических функций, так называемое «развивание», перепрыгивание через естественные этапы их становления(!) угнетают процессы, идущие в рост по своей внутренней логике. Зачем, мол, развивать то, что само растёт? Дело ещё и в том, что всякая психическая способность (функция) должна не только проявиться, но и раскрыться, встроиться в социальную жизнь — то есть стать продуктивной. Мало того что она есть, она должна взять разгон. «Разогнанность» той или иной способности и является условием проявления и развития способностей более сложного операционального состава и более высокого порядка. Из этой логики следует, что самопроизвольное появление эмпирического мышления, например, вовсе не причина для того, чтобы сосредоточить всё внимание на развитии мышления теоретического. Напротив, необходимо загрузить интенсивной работой то, что есть, в том числе руки, а в результате закономерно начнёт проклёвываться мышление теоретическое. И вот тут уж не зевай.

Десятилетиями школа культивировала разновидности одной и той же теоретической доктрины, ориентация которой на инфантилизацию народа очевидна не всякому, но многим. Все эти доктринальные разновидности обладают общей чертой: **в них нет места для труда как инструмента воспитания и способа познания**. Разговоров о важности труда для становления зрелой и ответственной личности много. Но его нет ни в школьной архитектонике, ни в школьной архитектуре. Общество и педагогика давно согласились с тем, что не школьное это дело. А между тем тунеядствующие фанаты, качки и прочие подвиды, собираясь в стаи, уже представляют прямую опасность для общества, которое пока ещё полагает, что с определённым устройством мозгов можно бороться при помощи милицейского спецназа. А потому наращивает соответствующие контингенты. Поздно, господа! Огранку мозгов делают в школе! И надо умоощнять школьное дело.

С одной стороны, у нас есть твёрдая убеждённость в необходимости реформы образования. С другой — есть полная ясность, что очередной реформаторский виток, сотканный по принципу «всё обо всём», будет таким же бесплодным, как и предыдущие. Даже пресловутое увеличение финансирования ничего не изменит. **Мы бездарно проедем любое количество денег**, поскольку умеем тратить их только в одном направлении. Как раз в том, которое и привело нас к инфантильности молодёжи в особо крупных масштабах. Больше количество денег лишь позволит нам более энергично заполнять подворотни отморозками. Пора уяснить: классик был прав, когда говорил, что, не решив общие вопросы, мы неизбежно будем натывать на них при решении частных. Общие вопросы — это, например, вопрос о том, является ли школа прежде всего институтом воспитания или она в первую голову — институт обучения? Это вопрос о том, нужна ли нам прежде всего «школа ума» или нам нужна «школа характера»? Это вопрос о том, должна ли сельская школа гордиться тем, что её выпускники навсегда уехали из деревни, не умея жить в ней успешно?

Мы видим альтернативу «перманентной бумажной революции в образовании» в концентрации усилий по реформированию образования на нескольких ключевых системных действиях. Первое и важнейшее из них, о чём мы начали специальный разговор в этом номере, — **возврат на современном уровне к идее трудовой или, скажем по-современному, продуктивной школы**.

Идея трудовой школы не нова для России. Документы, подготовленные А.В. Луначарским и Н.К. Крупской в 1918 году — «Положение о единой трудовой школе РСФСР» и «Основные принципы единой трудовой школы», — не утратили своего значения по сей день. Это то, от чего следует отталкиваться. Устарело понятие «единой школы», поскольку жизнь

«голосует» за вариативное образование, в остальном же — это современный документ. Его современное прочтение, в том числе в сравнительном плане, в сопоставлении с мировым опытом — важная теоретическая проблема.

Воспитание вне труда даёт иллюзорную воспитанность и фиктивную нравственность. Это было известно издревле, но зачёркнуто советской педагогикой. Нынче же необходимо преодолеть крен в сторону «школы ума» и взять курс на воспитание деятельного человека.

Эта проблема должна быть представлена во всех блоках реформы, пронизывать все направления. Но мы закономерно имеем то, что имеем: общие рассуждения, затуманивающие существо дела. Продуктивность как характеристика человека не может возникнуть из педагогических увещаний. Для этого нужен продуктивный образ жизни, продуктивность на каждом уроке, по каждому предмету. А этого пафоса в современной школе, свёрстанной под «ум, честь и совесть», как раз и нет.

Прояснилась проблема «безрукости». Придумать можем что хошь и ни одну из своих теорий не можем довести до устойчиво функционирующей практики. Нужна фундаментальная корректировка учебных программ в пользу продуктивности и прикладной эффективности. Стране нужны и теоретики. Возращивание их — особая задача, не имеющая ничего общего с «общим образованием».

Предметная деятельность имеет важнейшее значение для развития творческих сил человека. Её исключили из школьных программ безо всяких на то научных оснований. Мировой опыт склоняется к тому, что начальное обучение должно быть выстроено преимущественно на предметно-чувственном опыте. Данный аспект также имеет отношение к реализации идеи «продуктивной школы» в качестве системного основания развития образования.

Продуктивная школа по определению будет обрастать собственным «бизнес-пространством». В этом смысле идея «трудовой школы» чрезвычайно своевременна и современна. Воспитание предприимчивости — адекватная задача в условиях именно вратания в рыночную экономику. Школьные мастерские, столовые, школьные магазины — вот адекватные субъекты предпринимательства, инфраструктура которых давно существует в школе и не требует капиталовложений. Создать условия для максимальной и заинтересованной включённости детей в хозяйственный оборот — проблема даже не финансовая, а идеологическая. Абсолютное большинство директоров школ считают, что создавать хозяйственный механизм школы и управлять им — это не их дело. А те немногие, кто думает иначе, пуще всего опасаются огласки своих предпринимательских успехов.

Собирая материал для этого выпуска журнала, мы столкнулись с тем, что школьные администраторы-практики, имеющие реальные успехи в деле зарабатывания средств, решившие, например, проблему бесплатного питания для детей и педагогов, помогающие ветеранам педагогического труда, выписывающие для педагогов не один-два, а несколько десятков наименований педагогической прессы, выпускающие реальную продукцию в своих мастерских, категорически возражают против публикации! Аргумент один: не дадут работать!

Что же это происходит? Плачем, что нет средств на хлеб, и не даём работать тем, кто может не только держать на плаву школьный корабль, но и находит возможности для ускорения хода. Кто, где и когда дал медаль директору школы за то, что у детей бесплатное трёхразовое питание не по причине щедрого бюджета или богатого шефа-спонсора, а в результате управленческой, организационной и производственной деятельности школьной команды.

Сказанное может быть дополнено множеством сюжетов. Но не из размышлений на эту тему, не из пафосных словопрений, а из реального положения дел: униженного состояния школы, состояния бюджета, «безрукости» наших учеников — вытекает необходимость изменить социальную архитектуру школы в пользу развития продуктивных форм деятельности. Я уже как-то писал, что если увеличить зарплату учителя вдвое, то в силу её ничтожности от этого ничего не изменится. Общество, намеренное двигаться вперёд, должно, наконец, разглядеть, что единственный инструмент этого движения — школа. Понимание того,

что именно школа готовит и грядущие достижения, и революционные катаклизмы, что именно школа является «зоной роста» и «точкой прорыва» в будущее любого государства, требует увеличения относительного, в сравнении с другими отраслями, заработка учителя как минимум в десять раз! Кто-нибудь верит, что бюджет будет на это способен в ближайшие сто лет?

Если нам известны сотни примеров того, как школа собственными усилиями улучшает благосостояние учителя и материально-технической базы в несколько раз, то непонятно, почему нельзя сделать ближнесрочную ставку на эту практику. Это ведь не отрицает возможность системных изменений другого порядка! Может, кто вынашивает стратегическую мысль, мол, если школа будет жить хорошо сама по себе, то ей урежут бюджетное финансирование? Но это какая-то убогая стратегия.

На сотню директоров школ всегда есть один, который посмеивается в усы, слыша стоны о нехватке финансов. Ему (ей) денег хватает. Он умеет их заработать, выпросить, добыть. В существующих условиях это бесценное искусство. В стране ни звука о таких директорах. Их опыт никто не перенимает, таким навыкам никто не учит. Покажите мне место, где директоров школ посылают на стажировку к другому директору — поучиться делать Дело. Столько бесплодных дискуссий и соборщ, столько направлений научного поиска, и до сих на столе каждого директора нет чёткой инструкции-алгоритма, как зарабатывать деньги, не нарушая закон. Более того, в большинстве своём директорский корпус придерживается позиции: «это не наше дело, наше дело — учить, а не бизнесом заниматься». В многочисленных текстах, декларирующих положения новой реформы, о новом — вынужденном, но крайне полезном — содержании деятельности современного директора школы — тоже ни звука.

Недаром же классики сетовали, что любое новшество в России возможно только сверху. Позицию директоров надо начинать менять сверху. Соответствующая тематическая коллегия раз в год, десяток награждений за предприимчивость, региональные и итоговая общероссийская конференции, соответствующие темы по НИР, курсы в ИПК, настоятельная рекомендация иметь в каждой школе магазины и другие хозрасчётные подразделения, рекомендация назначать в директора людей, способных организовать в школе предпринимательскую среду и т.д. И дело сдвинется. Многие школы начнут обрастать «центрами прибыли». Прямой результат — финансовое улучшение, косвенный — детская занятость и воспитание подлинной нравственности.

Я много бываю в регионах. Такой опыт есть. Но всегда директор ввязывается в деловые проекты с опаской и оглядкой. Надо помочь директору и школе.

Когда денег мало, их вкладывают фокусно в такие точки, где есть шанс получить эффект саморазвития, самовоспроизводства. Вместо тысяч эффектных, но зачастую бесполезных дел, запланированных на ближайший год во имя реанимации и сохранения бесплодных псевдонаучных и гореметодических структур, надо все подчинить одной задаче: сделать школу местом, где птенца не «развивают», а ставят на крыло. Для этого нужен директор с практическим складом ума и хозяйственной хваткой.

На этом пути огромное число конкретных проблем. Мы, как смогли, отразили в номере имеющийся в стране опыт, но некоторые вопросы пока ещё ждут своих экспертов и авторов. Наибольший пробел, как нам кажется, существует в нормативно-правовой базе внебюджетной деятельности школы.

Например, следует срочно преодолеть последствия «запрета на детский труд». Нужен закон, который чётко разводит добровольный детский труд «в радость» и эксплуатацию детей. Во-вторых, для школ, осуществляющих хозяйственную деятельность, для детей, имеющих трудовые доходы, нужен особый налоговый режим.

В-третьих, нужны чёткие правовые основания для развития «трудового пространства школы». В большинстве школ есть мастерские, столовая, во многих сельских школах — земельный надел. Нет главного — правил игры.

Более подробного анализа требует то обстоятельство, что система сопротивляется расширению предпринимательской активности школы и в школе. Самые непримиримые оппо-

ненты — финансовые органы образования, централизованные бухгалтерии. Это понятно: расширение хозяйственной самостоятельности школ ведёт к увеличению их нагрузки либо к тому, что школа отказывается от услуг централизованной бухгалтерии.

Во многих регионах страны заблокировано преобразование школ в юридические лица с собственными счетами. Системе невыгодна финансово-хозяйственная децентрализация. Она невыгодна и руководителям образования районного и городского уровней, поскольку уменьшает объём подконтрольных ресурсов, соответственно уменьшаются интересные доходы, получаемые в результате централизованных закупок. Именно поэтому, надо полагать, хозяйственная самостоятельность школ тормозится всюду, как только можно. Если кто знает и другие причины, напишите, обсудим.

Технологии «вытаскивания» денег через «родственные» фирмы, через завышение цен, через заказы на учебники весьма разнообразны, но все они требуют концентрации ресурсов. В тех регионах, где руководители субъектов федерации понимают значение предпринимательской активности снизу, где на региональном уровне приняты соответствующие решения, например, о создании школьных магазинов, руководители образования, стремясь сохранить привычные источники заработка, создают централизованные «системы школьных магазинов» и вновь блокируют возможность для школы осуществлять собственную минимальную торговлю. Последняя капля наглости и абсурда — цены в этих «централизованных» магазинах зачастую выше, чем в обычных.

Чаще всего способы левого заработка очень бесхитростны. Автору посчастливилось наблюдать такую картину. Директор школы в очередной раз приносит в департамент образования счёт на оплату обучающих программ и получает стандартный ответ: пока нет денег, оплатим позже. Он обращается к коллеге за советом, как тому удалось решить аналогичные вопросы. Коллега подсказывает: «Принеси счёт на то же самое из фирмы «Х» и задержек не будет». Первый в недоумении: «Но там же дороже процентов на тридцать!» «Тебе какая разница, не из своего кармана платишь!» Вот и вся логика. Предприимчивость-то, оказывается, цветёт пышным цветом. Одних запугивают школьным предпринимательством и налогами, другие, уровнем повыше, предпринимают всё возможное, чтобы сохранить эти замечательные возможности.

Иногда из уст чиновника можно услышать и такой аргумент: они, мол, заворуются, если разрешить школьное предпринимательство. Интересно, весь мир борется с коррупцией с помощью децентрализации финансовых потоков и конкурсности любых закупок, а мы, как всегда, идём своим путём: уповаем на честного начальника и на централизацию закупок.

Пример для размышления: что обоснованней — купить компьютеры на всю Россию у одной фирмы, сосредоточив все ресурсы в одном месте, или дать возможность регионам проводить собственные тендеры, привязываясь к местной сервисной сети? Обосновать можно и то и другое, но суть останется одна: окончательное решение зависит от целей системы. Если она ориентирована на «вытаскивание» средств, на организацию «откатов», то тогда мы централизуем всё и вся. Трудно ли при закупке пяти тысяч ПК затянуть поставки на пару месяцев? Не проблема. Учитывая, что на рынке ПК за два месяца цены могут упасть на 10–20 процентов, чему немало способствует сам факт такой крупной закупки, посчитайте возможные дивиденды!

Если система ориентирована на оптимальный результат, то и действовать она будет принципиально иначе. Открытые гласные тендеры, где поставщики как на ладони, когда к участию допущены только те, кто не менее пяти лет на рынке, когда конкуренция разворачивается не только в уровне цен, качестве и сроках, но и в сфере предоставляемого обслуживания. И так далее. Мы с вами, кстати, дожили до замечательных времён, когда Минобразования большинство своих заказов размещает на конкурсной основе.

Игры в централизацию известны издревле. За госзаказ бились во все времена. Но, повторю, дело в целях системы.

Вы только представьте себе такую идиллию: вы хотите оформить заграничный паспорт. Собираете нужные справки и отправляете в ОВИР заказным письмом. Вам звонят и назначают

точный день и час, когда нужно явиться для получения документа. Вы являетесь и за пятнадцать минут все вопросы улажены. О, счастливец! Думаете, подобная технология работы недоступна для наших клерков? Запросто! Но вы только представьте себе последствия для клерков, если в ОВИРах и ГИБДДх исчезнут очереди! И так всюду. Действует принцип «доходного места». В образовании эта тенденция менее выражена, встречается реже, но есть.

Поэтому и нужна правовая реформа, регламентирующая порядок финансового взаимодействия всех сторон и участников образовательного процесса. Чёткий нормативно-правовой алгоритм необходим, например, для оказания образовательных услуг населению и для взимания родительской платы за «дополнительные услуги». Здесь ведь тоже предприимчивость складывается какая-то особенная. Ребёнок моего коллеги до тех пор носил ярлык слабого и непутёвого ученика, пока родитель не среагировал на настойчивые рекомендации учителя нанять конкретного репетитора. Тотчас все проблемы исчезли! И оказалось, что репетиторами обзавелись большинство учеников. А те, кто не смог, просто ушли из школы.

Создав нормативно-правовую базу для широкой и автономной хозяйственной деятельности школ, можно преодолеть «кормушечные» настроения на всех уровнях и запустить процессы самооптимизации экономического положения школ. Фокусная работа в данном направлении обладает системообразующими свойствами и именно поэтому должна стать одним из основных приоритетов развития системы образования в обозримой перспективе.

Инструментально-технологическое обеспечение «трудовой школы» и школьного бизнеса предполагает создание простых и ясных нормативно-правовых алгоритмов. Например, как открыть школьный магазин, как наладить производственный процесс в мастерских, как перейти на упрощённую систему учёта, как правильно рассчитать налоговые платежи, как встроиться в региональную производственную инфраструктуру, когда и почему школа не платит налоги. Необходимы технологии продуктивного образования, оптимальные алгоритмы освоения профессий, производственные технологии, применимые на базе учебных заведений, организационные алгоритмы развития системы образовательных услуг для населения.

«Бизнес-пространство» трудовой школы в современных условиях должно строиться, начиная с освоения уже существующей инфраструктуры. «Школьный магазин» — это киоск, для которого достаточно одной комнаты. В дошкольном учреждении такой киоск работает два часа в день и предлагает родителям товары повседневного спроса и «детского» назначения. Обратными средствами на первых порах могут быть товары, полученные на реализацию через родителей учащихся. «Школьный магазин» — это проект, обладающий высокой способностью к саморазвитию.

Школьные производственные мастерские выпускали товары народного потребления во все времена, в отдельных школах они производят их и сейчас. При наличии политической воли они могут быть задействованы всеми школами в кратчайшие сроки. Там ведь иногда карикатурные сюжеты. Мой собственный ученик третий год уже выпиливает лобзиком, но ни одного изделия на стол не поставил. Пилит ради пиления и оценки.

Земельные наделы имеются у большинства сельских школ. На федеральном уровне должна быть поставлена и решена проблема беспроцентного кредитования сельских школ на приобретение техники в размере текущего дохода. Получила школа выручку за произведённую продукцию в объёме семисот тысяч рублей в год — дать ей ещё столько же на новую сеялку! Да в рассрочку!

Школьные столовые готовы обслуживать население своих микрорайонов и населённых пунктов немедленно. Мешают межведомственные нестыковки, устаревшие «нормы поведения», правила СЭС, подчинённость школьных буфетов и столовых различным «трестам», стремление местных руководителей распорядиться «кормёжными» деньгами. Новая нормативная база и организационные алгоритмы должны дать учебным заведениям шанс максимально задействовать производственный потенциал собственных площадей. Обсуждая этот вопрос, иногда такое услышишь! Они, мол, педагоги, будут детей объедать! Пусть бы лучше педагоги «объедали», чем закупка картофеля на все школы оптом по цене розничной тор-

говли. Кто кого объедает в этом случае? Копните — найдёте и похлеще сюжеты.

Расчёты показывают, что школа, имеющая более 500 учащихся и осуществляющая хозяйственную деятельность (магазин, столовая, производственные мастерские, производственная бригада, дополнительные образовательные услуги), может иметь от 100 до 500 долларов США чистой прибыли ежедневно. Подобное утверждение выглядит неправдоподобным, но обратимся к простейшим расчётам. В качестве примера возьмём реализацию молока.

Каждая имеющая ребёнка городская семья потребляет в среднем два литра молока в день. Разница между оптовой и розничной ценой составляет не менее шести рублей за литр. Если в среднем каждый ученик по дороге домой захватит два пакета молока, то доход школы составит 6000 рублей в день. Предположим, что себестоимость организации торговли составит 1000 рублей в день. Таким образом, маленькая школа получит до 100000 рублей чистой прибыли в месяц.

Это пример только по одной позиции. Товаров, которые потребляются семьями ежедневно, достаточно много. Школа может выпекать хлебо-булочные изделия, продавать носочки, трусики, маечки, шить некоторые виды одежды, производить простейшую мебель, осуществлять концертную деятельность и т.д.

Если в результате реализации специальной программы развития «трудовой школы» и школьного предпринимательства каждая школа России к концу 2005 года будет готова ежегодно истратить хотя бы 10000 долларов США на учебное оборудование и книги, мы получим рынок для образовательной индустрии размером в 500000000 долларов США только внебюджетных средств. Это 15000000000 рублей по текущему курсу. Требуемые инвестиции — только политическая воля директора школы. Все требуемые мероприятия могут быть осуществлены в пределах имеющегося финансирования.

Одновременно с созданием нормативно-правовой и инструментально-технологической базы для расширения финансово-хозяйственной активности всех видов учебных заведений необходимо осуществить массовое обучение управленческого персонала (директоров) учебных заведений основам хозяйственного менеджмента. Это тоже реальная задача, которая может быть реализована существующей сетью институтов повышения квалификации в обозримые сроки. Учитывая системный характер ожидаемых следствий, можно временно пожертвовать частью плановых ресурсов на переподготовку кадров в пользу директорского корпуса и административного резерва. Такое временное перераспределение часов позволит в перспективе существенно увеличить объём обучения на хозрасчётной основе. Школам будет чем платить за курсы по методике!

Школа будущего в моём понимании — это пространство гарантированной продуктивной занятости ребёнка в течение всех лет обучения. Это своего рода полигон, позволяющий школьнику осуществлять себя в роли социально зрелого члена общества, а не место «подготовки к жизни».

Затрагивая в этом номере проблематику внебюджетной хозяйственной деятельности школы, мы пытались главным образом обосновать идею приоритета воспитания в целом по отношению к задачам обучения. Обучение следует рассматривать как аспект воспитания. Воспитание же немислимо без труда, без ежедневной социальной продуктивности. **«Бизнес-пространство» школы** поэтому надо понимать как инструмент воспитания нравственности, а не как дань либерализации экономики.

Мы ставим вопрос так: или мы остаёмся на позициях сложившейся школьной технологии и продолжаем глобальную инфантилизацию населения, внося тем самым посильный вклад в уничтожение России, или возвращаем в школу труд и делаем школу «двукрылой птицей» по Макаренку, которая ставит на крыло своих птенцов и выпускает их способными делать Дело: строить, растить, заботиться...

Я при всякой возможности спрашиваю учителей: «Вот вы вырастили, обучили и дали путёвку в жизнь сотням и сотням своих учеников. Вы верите в то, что они, став рабочими, крестьянами, инженерами, коммерсантами, способны работать так, чтобы было что перечислять в пенсионный фонд? Проще говоря, будет ли у вас завтра достойная пенсия?» Вы

догадываетесь, что отвечают учителя. Но ведь это мы их воспитываем, учим! Мы что, заведомо бракоделы? Да, заведомо!..

Наверное, каждому из нас, работников образовательного цеха, надо оглядеться вокруг себя и посчитать: кто ратует за «школу обучения» и за английский с первого класса при устойчивой нелюбви к русскому и кто понимает воспитательное значение труда и любви к предмету «русский язык». Это и есть разные взгляды на школу, на реформу образования и на будущность России.

Осознавая свою ответственность за процессы, разворачивающиеся в школьном деле, мы, сотрудники редакций «Народного образования», «Детского творчества», «Сельской школы», «Домашнего воспитания», «Развития личности» и «Школьных технологий», объявляем свою реформу, понимание и основные положения которой обсуждались последние годы на страницах наших изданий. Она сводится к нескольким основным позициям:

1. Школа, воспитание и обучение должны быть выстроены в полном соответствии с принципом природосообразности, который по определению исключает из обихода любые педагогические действия, вызывающие ухудшение здоровья детей.

2. Школьная технология должна быть выстроена на основе приоритета воспитания перед обучением и обеспечивать в первую очередь силу характера и способность к труду и жизненному успеху. Без этих качеств любые знания остаются бесполезным грузом.

3. Возвращение на современном уровне к идее трудовой школы. Школа должна стать местом, где возвращается любовь и привычка к труду и Делу. Для этого сама школа, опираясь на содействие государства, должна быть успешным предприятием.

4. Школа, заботясь о знании школьником множества предметов, должна обеспечить не столько знание падежей и склонений, сколько любовь ребёнка к родному языку. Хватит целенаправленно превращать русских детей в потенциальных канадцев и австралийцев.

Этот номер мы посвятили проблемам продуктивной занятости детей и школьному бизнесу. Мы намерены каждый год делать специализированный выпуск по проблемам трудового воспитания и внебюджетной деятельности школы.

Желая внести свою лепту в школьное строительство в избранном нами направлении, мы объявляем **Всероссийский конкурс среди школ и других образовательных учреждений на лучшую организацию и результативность внебюджетной деятельности**. Идею такого конкурса в своё время горячо поддержал министр образования России В.М. Филиппов.

Задача конкурса — выявить конструктивный опыт, который заслуживает широкого распространения.

Положение о конкурсе и организационные подробности мы опубликуем во 2-м номере «Народного образования» в 2002 году. В конкурсе будут оцениваться: качество и результативность школьного предпринимательства, увязанность учебно-воспитательного процесса и продуктивной занятости детей, уровень наукоёмкости и технологической оснащённости школьного производства, перспективный «бизнес-план» школы и другие аспекты.

Редакция «Народное образование» принимает на себя обязанности организатора конкурса и обязуется обеспечить собственный взнос в призовой фонд конкурса в размере 50 тысяч рублей.

Журнал «Школьные технологии» гарантирует внесение в призовой фонд 20 тысяч рублей.

Конкурсу будет оказана поддержка российскими предпринимателями, о которой мы будем информировать читателей в каждом номере. Итоги конкурса мы подведём в январе 2003 года.

Мы предлагаем также, чтобы образовательные учреждения, имеющие опыт и успехи в деле организации школьного производства, также поучаствовали в формировании призового фонда.

По результатам уже состоявшихся переговоров с предпринимателями и предприятиями мы планируем сформировать призовой фонд в размере до 1 млн рублей.

Этот конкурс станет первым практическим шагом в реализации «нашей реформы» об-

разования. Главное, «ввязаться в драку» — а там будет видно, для кого такая «реформа» станет «нашей» — своей!

Дорогие коллеги!

Просим вас присылать в редакцию предложения по названию конкурса, а также по деталям и тонкостям его организации и проведения, которые будут учтены при разработке Положения о конкурсе.